

было жаль. В тот вечер мы встали лагерем неподалёку от небольшого посёлка. Только и успели, что порезать хлеб, сыр, зелень, помидоры (да будет благословенна страна, где растут такие помидоры!), как к нам подъехал полицейский патруль. Из машины нас спросили, откуда мы, говорим ли по-русски. «Да!» — дружно ответили мы и тем ввели в сильнейшее замешательство стражей порядка, потому что выяснилось, что они-то — нет. Дело шло к 11 вечера, но старший в патруле не растерялся и взялся за телефон. По громкой связи

ИДИТЕ В БАНЮ. ТАМ ВЫ УЗНАЕТЕ ВСЮ ПРАВДУ О ЧЕЛОВЕКАХ

стал слышен женский голос, говорящий по-русски совершенно без акцента, но очень встревоженный. Как следовало из перевода, нам надлежало сейчас же свернуть лагерь и отправиться вслед за полицейской машиной, которая препроводит нас в такие места, где обычно и водятся нормальные туристы, потому как в этой местности туристов не бывает. Нам также доступно разъяснили, почему надо переезжать: «Здесь могут быть опасности! Дикие звери! Возможные разливы рек!» — и прочие неприятности подстергали людей, столь опрометчиво сошедших с наезженных туристических маршрутов. Ночь была тиха. В дренажной канавке мирно квакали лягуши. Одинокий светлячок либо улетел, либо стал незаметен в ярких фарах патруля. Собираться откровенно не хотелось. Путём дипломатических переговоров всё через того же телефонного толмача в международном диалоге было достигнуто соглашение: мы берём номер телефона полицейских и, как только нам начинают грозить «дикие звери» или ещё какие катаклизмы, сразу звоним, и нас — тадам! — спасают. Засим мы прощаемся с полицейскими исключительно подружески и продолжаем ужин. Минут через пятнадцать патрульная машина возвращается. Из неё выходят... надо бы написать «полицейские», но на деле-то наши добрые знакомые, и не одни,

